

УДК 811.111:811.521

DOI: 10.37482/2687-1505-V223

БАСОВА Татьяна Александровна, аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор 27 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9511-6131>

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена межуровневым продуктам отфразеологической деривации – сложным лексемам английского и японского языков с соматическим компонентом и их структурной характеристике. Поднимается проблема границ слова в обоих языках, в зависимости от понимания которой возможно по-разному определять принадлежность единиц структуры $N + N$, $Adj + N$ в английском и $N + no + N$ в японском к фразеологическому или лексическому уровню. Рассматривается вопрос открытых сложных слов английского языка и выделяются два вида единиц, причисляемых к этой категории: 1) единицы, которые по сути являются фразеологизмами, практически полностью утерявшими признаки раздельнооформленности, 2) единицы, которые произошли из фразеологизмов путем деривации и позволяют как раздельное, так и орфографически цельнооформленное, а также дефисное написание, но не имеют собственного фразеологического прошлого. В японском языке на примере *kinodoku* ‘достойный сожаления’ и *oki no te* ‘kozyрь’ показываются признаки лексикализации посессивных композитов. В процессе анализа выявляются основные словообразовательные, морфологические и фонетические особенности отфразеологических сложных слов в обоих языках, т. е. общие словообразовательные модели: словосложение, словосложение в сочетании с аффиксацией, а также лексикализация полных словосочетаний, включающих незнаменательные компоненты. Также выявляются характерные только для японских дериватов особенности: фонетические преобразования согласно рэндаку, языковая компрессия отфразеологических сложных слов со вторым именным компонентом, ограничивающая их в длине до 4 мор, а также наличие производных лексем из коммуникативных фразеологизмов – пословиц.

Ключевые слова: фразеология, отфразеологические лексемы, сложные слова, межуровневая деривация, структурный анализ.

*Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, корп. 1; e-mail: tanyatako@gmail.com

Для цитирования: Басова Т.А. Отфразеологические составные лексемы английского и японского языков с соматическим компонентом в сопоставительном аспекте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V223

Введение

Процесс отфразеологической лексической деривации – это стягивание идиоматического словосочетания или предложения в одну лексему вследствие процессов компрессивного словообразования, продукт которого – отфразеологические дериваты, в большинстве случаев являющиеся сложными словами (за исключением семантической конденсации, при которой один из компонентов фразеологической единицы (ФЕ) наделяется новым значением, и морфологических дериватов, в которых один из компонентов ФЕ наделяется новым значением и соединяется с аффиксом [1]). В японских толковых и фразеологических словарях, а также научной литературе возможно встретить пометки «сокращенное выражение» (略した表現 – *ryaku shita hyougen*), «сокращение пословицы (идиомы)» (ことわざの略 – *kotowaza no ryaku*) [2–4], «сложные слова, соотносящиеся с ФЕ» (慣用句に対応する複合語 – *kan'yōku ni taiou suru fukugougo*) [5]. Данные лексемы все чаще выступают объектом научного интереса современной лингвистики, но пока еще изучены недостаточно полно и предполагают большое поле для исследования [6, с. 1–5]. Лексикализация синтаксических структур, частным случаем которых являются ФЕ, – это один из активных способов развития языка. Исследование данного процесса позволяет оценить языковые тенденции, что говорит об актуальности данной проблемы. Теоретическая значимость и новизна работы заключаются в том, что впервые сопоставляются английские и японские отфразеологические слова именно со структурной точки зрения, поднимается вопрос условности категоризации некоторых японских и английских единиц, а также описываются уникальные для японского языка лексемы, произошедшие из коммуникативных фразеологизмов (пословиц и поговорок).

Материалы и методы исследования

Фразеологические исследования японского языка представлены в трудах С.А. Быковой и Е.В. Струговой (структурный аспект) и Т.М. Гуревич (лингвокультурологический аспект). «Сло-

во в японском языке» – фундаментальный труд А.А. Пашковского, посвященный японским сложным словам, однако он практически не затрагивает лексем именно фразеологической этимологии. Исследования японских ученых в данной области касаются как общих проблем фразеологии (С. Дайдзи, Ё. Морита, К. Тэцуя), так и частных (Ю. Миядзи – вариативность и деривация; П. Исида – вариативность, корпусный анализ, семантический и сопоставительный анализ), М. Ито (семантический и сопоставительный анализ). В трудах отечественных и зарубежных ученых представлены разные взгляды на проблему категориальной принадлежности отфразеологических лексем в системе языка и особенностей их интеграции в языковое полотно. В отечественной фразеологии в исследованиях русского и английского языков отфразеологические лексемы традиционно относятся к сфере деривации [7, с. 210; 8, с. 1451–1455]; в Большом англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина [9] они представлены наряду с порождающими фразеологизмами. Однако П. Исида создала собственную классификацию фразеологических вариантов в японском языке, в которую включает сложные слова, образованные от фразеологизмов [10, с. 48; 5, с. 81], т. е. связывает их с фразеологической вариативностью и указывает на отношения соотнесенности между ними. Также она предполагает возможность применения этой классификации и к английскому языку, т. е. говорит о способности английских отфразеологических слов быть вариантами исходных ФЕ [5, с. 85]; приводит примеры из корпусов текстов и обращает внимание на возможность транспозиции значения (перехода из одной категории в другую, например из процессуальности в предметность), но не рассматривает в подробностях изоморфные и алломорфные черты английских и японских отфразеологических лексем.

В данной работе в фокусе исследования находятся отфразеологические сложные слова с соматическими компонентами английского и японского языков. Проанализировано около

400 английских и японских производящих фразеологизмов и производных от них лексем с соматическим компонентом, но ввиду ограниченного объема статьи приводятся наиболее характерные иллюстрации. В процессе сопоставления решаются следующие задачи: 1) детально рассматриваются вопросы границ слова в обоих языках, позволяющие определить принадлежность составных слов к лексическому или фразеологическому уровню языка, который выделяется рядом фразеологов (В.Л. Архангельский [11], А.В. Кунин [12]) ввиду значительных отличий между лексемами и фразеологизмами, а также с целью более комплексного изучения свойств последних, что представляется целесообразным и для данного исследования; 2) осуществляется отбор материала методом сплошной выборки из словарей и фразеологических источников [2–4; 9]; 3) описываются принципы образования таких сложных слов и их основные структурные и словообразовательные особенности; 4) выявляются общие и частные характеристики отфразеологических лексем на избранном участке фразеологии данных неродственных языков. Для решения подобных задач используются методы наблюдения, контекстного и структурного анализа и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования

Лексический фонд и английского, и японского языков содержит единицы, произошедшие от фразеологизмов, но принадлежность некоторых из них к лексическому или фразеологическому уровню языка остается спорной. В английской лингвистике существует точка зрения, что раздельность написания, т. е. орфографическая раздельнооформленность, не является весомым показателем раздельности компонентов сочетаний структуры *N + N* и *Adj + N* [13, с. 291–316] (*red herring*, *hot head*, *fountain head* и др.). Если обратиться к самому термину *compound* (составное/сложное слово), то обнаруживается сильное расхождение мнений зарубежных лингвистов по поводу содержания этого понятия. В коллективной монографии *The Oxford Handbook of Compounding* (2011) ре-

зюмируется, что характеристики сложных слов в разных языках имеют определенные отличия и для английского языка до сих пор не выявлены однозначные критерии открытых компаундов (т. е. сложных слов, части которых орфографически раздельны), которые бы строго отделяли их от дериватов и синтаксических формаций (словосочетаний), особенно в связи с непоследовательностью спеллинга. Даже основные характеристики (особенности ударения, синтаксическая устойчивость, особенности словоизменения) имеют так много исключений и противоречий, что не могут считаться решающими. Поэтому понятие компаунда включает в себя не только соединения корней и основ, но и слов, что может приводить к образованию составных комплексов с разной степенью плотности (“more compound-like and less compound-like complexes”) [14, с. 14]. В отечественной лингвистике подобные составные комплексы считаются раздельнооформленными. Например, *fountain head* в *Большом англо-русском фразеологическом словаре* А.В. Кунина идентифицируется как идиома, тогда как во многих современных словарях, например в *Oxford English Dictionary* (2005), данное сочетание признается не идиомой, а существительным – открытым компаундом, у которого есть цельнооформленные варианты: *fountain-head*, *fountainhead*.

Некоторые английские сложные слова могут иметь три допустимых написания. Например, идиома *to split hairs* порождает лексему *hairsplitting/hair-splitting* (*closed/hyphenated compound*), которая также может встретиться в раздельном варианте написания *hair splitting* (*open/spaced compound*), что говорит о пока еще достаточно высокой степени независимости составных частей и действующем характере процесса словосложения: слово еще не до конца «окостенело» в слитной форме. Данное слово, в отличие от *fountain head*, изначально возникло в процессе деривации от фразеологизма и никогда не имело ни узуальных, ни окказиональных признаков цельнооформленности, в отличие от *fountain head*, которое до сих пор имеет редкий вариант *fountain's head*,

а наличие вариантов, пусть и устаревающих, говорит о фразеологической природе выражения, так как это один из окказиональных показателей раздельнооформленности. В связи с этим верно заметить, что *hair splitting* – это открытое сложное слово, а *fountain head*, возникшее из свободного словосочетания, все еще имеет связь с фразеологическим уровнем языка, хоть и находится на пути лексикализации.

В японском языке также существует группа спорных единиц со структурой *N + no + N* (possessive compounds). В некоторых случаях их лексическая природа очевидна, тогда как в других их актуализация в дискурсе ничем не отличается от словосочетаний, что рассматривается на примерах ниже. По классификации А.А. Пашковского, это синтагмосложные лексемы, в том числе лексикализованные словосочетания, включающие незнаменательные компоненты, а именно синтаксические форманты [15, с. 15]. Один из приведенных им примеров – лексема *kinodoku* ‘жалкий’, которую мы рассмотрим подробнее. В труде «Исследование языка Эдо» Т. Эбара пишет о возникновении этого выражения на контрасте с более древним (существовавшим уже в XIV–XV веках н. э.), но на данный момент устаревшим фразеологизмом *ki no kusuri* (букв. «лекарство для духа», ‘облегчение, радость; что-л. приятное, снимающее тревогу, улучшающее настроение’) [16, с. 46]. До середины периода Эдо (XVII век) *ki no doku* означало ‘огорчение, раздражение, разочарование’ (собственное «отравленное» настроение или его причина). Впоследствии фраза подверглась семантическому преобразованию и обрела значение ‘сожаление’ (по отношению к другим, т. е. проявление сострадания, разделение горьких чувств другого человека) и с новой семантикой лексикализовалась как цельнооформленная единица *kinodoku* ‘жалость; вызывающий жалость, достойный сожаления’. Ввиду отсутствия пропусков между словами в японском языке лексикализация выявляется через особенности функционирования: *kinodoku* сочетается с адъективной частицей *na*, которая, как известно, позволяет полупредикатив-

ным (именным) прилагательным выступать в функции определения, и с адвербиальной частицей *ni*, образуя вежливое слово *okinodoku-ni* ‘соболезную’. Возможна и дальнейшая словообразовательная деривация с присоединением суффиксов: *kinodokusa* ‘что-л., вызывающее сожаление; степень сожаления’, *kinodokugaru* ‘выражать сожаление’. В словарях единица *kinodoku* обозначена как существительное/полупредикативное прилагательное, и, несмотря на то, что морфема *no* (бывшая изначально показателем атрибутивного значения) производится, на письме она в редких случаях может не отражаться: 気毒 (*kinodoku*). Таким же образом функционирует и схожая единица *me no doku* «яд для глаз» ‘что-л. вредное для глаз; соблазн; нечто, заставляющее страдать при взгляде на этот предмет’, также идентифицируемая как существительное/прилагательное. Кроме того, она встречается с показателем определения *na*, субстантивирующим суффиксом *sa* (*menodokusa* ‘желанность’) и даже сочетается с эксцессивом-*sugiri* для выражения избыточности качества. При этом в *me-no-doku* морфема *no* на письме не выпадает. Такие особенности говорят о полноценной лексикализации выражения. Раздельнооформленные варианты этих лексем (не с графической, а с когнитивной точки зрения) в современном японском языке, возможно, сохранены лишь как часть некоторых пословиц, например: 聞けば気の毒、見れば目の毒 *kikeba ki no doku, mireba me no doku* букв. «Если услышать – яд для духа, если увидеть – яд для глаз», т. е. [лишнее] знание вызывает страдание или сильное желание, одержимость; сильные эмоции наносят вред телу и душе, поэтому иногда лучше ничего не знать. Ср. с *Меньше знаешь – крепче спишь*. В пословице содержится эпифора (повторение *doku* ‘яд’), что усиливает ее выразительность, и часть *ki no doku* несет именно первоначальное идиоматическое значение духовного помутнения, отравленного настроения или одержимого состояния, а не жалости или проявления сострадания к другим людям. В пословице сохраняется более древняя семантика «яда для

духа», не связанная с вежливостью или эмпатией.

Еще один специфический пример лексикализации среди соматических ФЕ – *oku no te* «глубинная рука» ‘мастерство, секретный прием, козырь’. По формальным данным эта единица соотносена со словосочетанием, так как включает послелог *no* как показатель синтаксических отношений; она не имеет морфологически образованных дериватов, в нормативном языке не сочетается с *na* или *ni*, и корень слова также не изменяется, как, например, в лексемах неидиоматического (*ki no ha* – *kono ha* ‘листва деревьев’) или идиоматического (*kani no te* «глаз краба» – *kaname* ‘кнопка, скрепляющая веер’) характера, т. е., если следовать подходу А.А. Пашковского, в данном случае нет явных доказательств, однозначно говоривших бы о ее принадлежности к лексическому уровню, и все же в современном языке она идентифицируется в японских толковых словарях как слитное существительное. Как и *ki-no-doku*, эта единица прошла через развитие идиоматического значения. Согласно А. Оомори [17, с. 140], первоначально «глубинная рука» означала более почитаемую левую руку, которая использовалась для молитв и других значимых действий, в отличие от «бытовой» правой, использовавшейся для повседневных дел, а также, возможно, в древности пряталась в полы одежды, чтобы скрыть от посторонних глаз. Впервые это выражение встречается в древней поэтической антологии «Манъё:сю:» в стихотворении авторства Ф. Тамукэ: *...hidarite no waga oku no te ni makite...* – «...обернув [браслет] вокруг моей глубинной руки – левой руки...». *Oku* как пространственная категория в японской культуре обозначает «внутреннее, глубинное, сакральное, абсолютное» [18], и описание левой руки через «глубинность» подчеркивает полагающееся ей почтение. Семантический сдвиг произошел примерно в XV–XVI веке: значение ‘секретный прием’, явно мотивированное предыдущей семантикой (так как левая рука использовалась реже и для особенных действий, а также, вероятно, пряталась, другие не знали, что в ней может быть), наблюдается в

произведении «Хонфукудзи Атогаки» (ок. 1560). С тех пор значение ‘левая рука’ окончательно ушло в прошлое и, как предполагается, частотность этого слова с новой семантикой ‘козырь’ настолько возросла, а сам концепт стал настолько когнитивно цельным, что *oku-no-te* официально было наделено статусом слова, как и, например, такие слияния, как *cha-no-ma* «чайная комната» ‘гостиная’, *hi-no-de* «выход солнца» ‘восход’, *onna-no-ko* «женщина-ребенок» ‘девочка’. Все подобные лексемы (сущ. + *no* + сущ.), все еще сохраняя облик словосочетания, в первую очередь отличаются максимальной краткостью входящих в них компонентов и высокой частотой употребления, а *no* может выражать не только принадлежность, но и аппозицию. Т. Кагэяма определяет такие существительные, как possessive compounds, и в целом отмечает у синтаксических компаундов «особое ударение, присущее сложным словам, ограниченную продуктивность и лексическую обусловленность» [14, с. 512–526]. Однако некоторыми лингвистами *oku no te* классифицируется все же как идиома (например, в Японо-русском фразеологическом словаре С.А. Быковой) [19]. Ввиду отсутствия грамматических признаков лексикализации можно сказать, что *oku no te* находится в пограничной зоне между словом и словосочетанием. Ситуация осложняется тем, что, как пишет А.А. Пашковский, традиционная японская орфография не предусматривает отдельного написания слов: «нет графического образа слова, и поэтому границы слова могут трактоваться по-разному, в том числе и самими японцами» [15, с. 170], но однозначных признаков, которые бы четко разграничили, например, *inochi no oya* «родитель жизни» ‘спаситель’ (которое на данный момент признается идиомой – *kan'yoku*) и *oku no te* «глубинная рука» ‘секретный прием’ (которое почти всегда признается существительным – *meishi*), нет, кроме самого факта признания последнего существительным в Японии.

В английском и японском языках образованные лексемы могут включать все знаменательные компоненты исходной ФЕ, а могут только неко-

торые, тогда как остальные будут усечены. Например, исходная ФЕ *an open hand* 'щедрость' всеми компонентами переходит в адъективную лексическую единицу *open-handed* 'щедрый' (не считая артикля, несущего служебную функцию), тогда как ФЕ *to give a side eye* 'бросать косые взгляды' подвергается усечению (пропадает начальный глагольный компонент *give*) и образуется составной глагол *to side-eye* 'косо смотреть'. В этом случае вербализация через *give* уже не требуется, т. к. новая единица является глаголом изначально. В лексеме *hawk-eyed* пропадает компонент *like* (от ФЕ *eyes like a hawk*): *hawk* на первой позиции уже выполняет атрибутивную функцию, выражая подобие. В лексеме *high-headed* не участвует компонент *carry* или *hold* (*to hold/carry one's head high*), т. к. прилагательное транслирует признаковость, а не действие и не нуждается в дополнительном глаголе.

В английском языке сложные слова могут складываться более чем из двух компонентов, включая знаменательные и служебные (*head-to-toe*, *shoot-from-the-hip*); в японском – преимущественно состоят из двух знаменательных морфем и не включают служебные слова (падежные показатели, частицы, послелогии): *kokoro ni nokoru* «оставаться в сердце» → *kokoronokori* «осадок на сердце»; *mimi ga hayai* «уши быстрые/ранние» 'острый слух, осведомленность' → *timibayai* 'хорошо слышащий, быстро узнающий новости', *hayamimi* 'инсайдер; тот, кто узнает все раньше остальных'; *me no kusuri* «лекарство для глаз» 'отрада для глаз' → *megusuri* 'взятка', т. е. по сути данные слова являются основосложными (происходит сложение двух основ) по классификации А.А. Пашковского.

В производных лексемах, особенно при сохранении компонентности, семантическая информация консервируется с минимальными потерями. При образовании отфразеологической лексемы исчезает фразеологическое значение и возникает лексическое; при этом данное значение осложнено «двойным дном» фразеологической информации и так же, как у ФЕ-прототипа, не равняется сумме значений участвующих

компонентов ввиду их переосмысленности; мотивировка затемнена. Ср.: *bookseller* 'продавец книг' – прозрачное, неидиоматическое сложное слово, а *head-scratcher* 'головоломка, задачка' – сложное слово, возникшее из фразеологизма.

Принцип образования отфразеологических сложных слов можно назвать словосложением или, по Е.Н. Ермаковой, агглютинацией («склеиванием») [7]. В английском и японском языках отфразеологические сложные слова могут быть подвержены морфологическим трансформациям и иметь дальнейшие дериваты, т. е. способны присоединять суффиксы для частеречных переходов, обретая новые грани значения: *kokoro no yasashii* «мягкий сердцем» 'добрый' → *kokoroyasashii* 'добрый', *kokoroyasashisa* (сущ.) 'доброта, мягкость'; *a light hand* «легкая рука» 'ловкость' → *light-handed* 'ловкий', *light-handedly* 'ловко', *light-handedness* 'ловкость'. В японском языке, помимо присоединения суффиксов, может меняться основа глагола: *kuchi o dasu* → *kuchidashi* (2-я основа на *i*); прилагательные в некоторых случаях также обретают форму чистой основы, отбрасывая флексии: *me ga takai* → *medaka*, а, кроме этого, в большинстве случаев происходят специфические фонетические преобразования согласно законам *рэндаку* (озвончение некоторых согласных на стыке в сложных словах). В английском языке неправильные глаголы могут иметь корневые преобразования (*a swelled head* – *swollen-headed* 'высокомерный').

Суммируем основные способы образования отфразеологических сложных слов:

1. Чистое словосложение (и основосложение) двух знаменательных компонентов: *mimi ga satoi* – *mimizatoi* 'быстро узнающий новости'; *a hot head* 'вспыльчивость' – *a hothead* 'вспыльчивый человек'.

2. Словосложение + морфологические изменения (изменение корня (англ.) или основы (яп.), а также аффиксация): *a swelled head* – *swollen-headed* 'высокомерный' (изменение корня); *me o kubaru* – *mekubari* 'слезка' (переход глагола во вторую основу), *hara ga tatsu* – *haradatashii* 'раздражающий' (адъективный суффикс *shii*).

3. Лексикализация целого словосочетания со служебными компонентами (универбация в английском, синтагмосложные лексемы в японском): *eye to eye – eye-to-eye* ‘с глазу на глаз’, *me no doku – me-no-doku (-na)* ‘желанный’.

Сложные существительные японского языка, образованные чистым словосложением, несколько отличаются от тех, в которых имели место морфологические преобразования для придания субстантивности (например, изменение основы глагола или присоединение субстантивных суффиксов). Иными словами, если второй компонент сложного слова именной изначально, то сложное слово попадает под большую языковую компрессию и уже не может превышать 4 мор (японских тактово-ритмических единиц):

1. Субстантивность диктуется морфологией: *kokoronokori*, *kokorozukai*, *metsubure*, *medooshi*, *haradatashisa*, *kokoro yasashisa* (свободная длина слова).

2. Субстантивность диктуется лексически-ми средствами – вторым компонентом (существительным), 3-4 моры: *hayamimi*, *kasurime*, *hosome*, *shirome* (из двухвершинных ФЕ); *mimitako*, *tekishio*, *dokusara*, *motoyara*, *nukakugi* (из многокомпонентных ФЕ).

Образование сложных существительных в японском языке возможно не только из двухкомпонентных ФЕ, но и из многокомпонентных единиц (от трех компонентов и более), и, в отличие от английского, не только из номинативных, но и из коммуникативных фразеологизмов (чаще вследствие чистого словосложения без каких бы то ни было морфологических преобразований). Таким образом, единицы, возникшие из многокомпонентных ФЕ, – это существительные либо с двумя именными основами, либо с финальной именной основой общей длиной не более 3-4 мор. К примеру, субстантивная ФЕ с предикативной структурой: *鴨が葱を背負ってくる kamo ga negi o seotte kuru* «дикая утка приближается, неся лук-батун на спине» ‘невероятная удача;

подозрительная удача’ → *かもねぎ kamonegi* «уткалук» ‘невероятная удача; подозрительная удача’. Подразумевается, что утка – это съедобная дичь, а лук – это дополнение к блюду, т. е. еда сама идет в руки: *車で迎えに来てくれるなんて鴨ネギ* – «Какая удача [“уткалук”], если она подъедет, чтобы встретить тебя!»¹.

Пример коммуникативной ФЕ (поговорки и пословицы): *類はともを呼ぶ rui wa tomo o yobu* «Сходство зовет друзей» ‘Подобное привлекает подобное’ → *るいとも ruitomo* «сходстводруг» [‘ситуация, когда] подобное привлекает подобное’.

Лексемы, возникшие от коммуникативных единиц, в зависимости от контекста и субъективного восприятия могут как иметь номинативный характер, выражая основные семы фразеологизма, так и нести коммуникативную функцию, выступая как закодированные в форме лексемы пословицы или поговорки и сохраняя исходную оценочность, народную мудрость и дидактичность. В таком случае они могут повторяться в тексте или речи в полном виде для облегчения идентификации и развертывания коммуникативного элемента. В примере ниже автор раскрывает значение лексемы *ruitomo* «сходстводруг» (от *ruui wa tomo o yobu* «сходство зовет друзей», ‘подобное привлекает подобное’), атрибутивно соединенной со словом «закон» в следующем же предложении: *ツキを呼び込む奥の手がある。ツキのある人間とつきあうことである。人間関係にはいつも「類友の法則」が働く。類は友を呼ぶ。Tsuki o yobikomou oku no te ga aru. Tsuki no aru ningen to tsukiau koto de aru. Ningen kankei ni wa itsumo “ruitomo no housoku” ga hataraku. Rui wa tomo o yobu.* «Существуют особые приемы привлечения удач. Это поддержание отношений с удачливыми людьми. Для человеческих отношений всегда работает закон “сходстводруг”. Сходство зовет друзей» (Ё. Кавакита «Сейчас не получается, а потом все удастся»).

Поговорка, ужатая в форму лексемы, допускает более широкое функционирование в син-

¹国語研日本語ウェブコーパス [Веб-корпус японского языка NWJC]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/nwjc/search> (дата обращения: 12.05.2022).

таксисе и в данном примере выступает в роли определения к слову «закон», что можно было бы перевести как «закон привлечения подобного», но в сознании человека при столкновении с лексемой исходная поговорка может раскрываться в своей полной форме, транслируя народную мудрость, которая здесь преподносится как закон, существующий в отношениях людей, тем более благодаря повторению автором полной формы поговорки, что интенсифицирует ее смысл и сообщение. Таким образом, в этом контексте через лексему может считываться и номинативная информация, описывающая закон, и коммуникативная, закодировано говорящая, в чем именно тот заключается.

Выводы

Подводя итог, суммируем основные особенности отфразеологических сложных слов в английском и японском языках:

1. Отфразеологические сложные слова образуются тремя способами: а) словосложением; б) словосложением в сочетании с морфологическими преобразованиями; в) синтагмосложной лекси-

кализацией (в японском языке) и универбацией с использованием дефисов (в английском языке).

2. В английском и японском отсутствуют интерфейсы, границы морфем четкие.

3. Английские лексические дериваты с соматическими компонентами могут включать как знаменательные, так и служебные компоненты фразеологизма; существительные не имеют ограничения по длине. В японском соединяются знаменательные компоненты, т. е. слова основосложные, за исключением редких синтагмосложных образований, статус которых может быть спорным.

4. В японском языке возможны фонетические преобразования согласно рэндаку.

5. В японском языке субстантивные дериваты со вторым именным компонентом не превышают 4 мор.

6. В японском языке возможно образование сложных слов из коммуникативных фразеологизмов. В зависимости от контекста и синтаксической позиции они могут сохранять коммуникативный характер.

Список литературы

1. Алевиренко Н.Ф. О соотношении формообразовательных и деривационных связей фразеологических единиц // Проблема тождества фразеологических единиц. Челябинск, 1990. С. 11–20.
2. 意味から引ける慣用句辞典 [Тезаурус фразеологизмов] / ред. А. Танно. Токио: Tokyo Jitsugyou Shuppansha, 1998. 333 с.
3. 日本語慣用句辞典 [Словарь японских фразеологизмов] / ред. А. Ёнэкава, И. Отани. Токио: Tokyodo Shuppan, 2005. 605 с.
4. 故事ことわざ辞典 [Словарь пословиц и старинных выражений]. URL: <https://kotowaza-dictionary.jp/> (дата обращения: 05.05.2022).
5. 石田 プリシラ [Исида П.] 言語学から見た日本語と英語の慣用句 [Английские и японские фразеологизмы с точки зрения лингвистики]. Токио: Kaitakusha, 2015. 215 с.
6. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English // Lexical Creativity as a Feature of Textuality. ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15 / ed. by J. Munat, T. Fedulenkova. Zaragoza, 2004. P. 1–5.
7. Ермакова Е.Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестн. ЧГПУ. 2012. № 2. С. 206–214.
8. Кунин А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии // Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: ГИС, 1955. С. 1451–1455.
9. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian Phraseological Dictionary: ок. 20 000 фразеол. единиц. 6-е изд., испр., М.: Живой яз., 2005. 942 с.

10. 石田 プリシラ [Исида П.]. 慣用句の変異形について:形式的固定性をめぐって [Фразеологическая устойчивость и фразеологические варианты] // Tsukuba J. Appl. Ling. 1998. № 5. P. 43–56.
11. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
12. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 1229 с.
13. Juhasz B.J., Inhoff A.W., Rayner K. The Role of Interword Spaces in the Processing of English Compound Words // Lang. Cogn. Process. 2005. Vol. 20, № 1-2. P. 291–316. DOI: [10.1080/01690960444000133](https://doi.org/10.1080/01690960444000133)
14. The Oxford Handbook of Compounding / ed. by R. Lieber, P. Štekauer. Oxford: Oxford University Press, 2009. 691 p.
15. Паишковский А.А. Слово в японском языке. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
16. 額原退藏 [Эбара Т.]. 額原退藏著作集, 第16巻 [Коллекция работ Т. Эбара, Т. 16]. Токио: Chuuiou-Koronsha, 1979. 533 с.
17. 大森亮尚 [Оомори А.]. 知ってるようで知らない日本人の謎 [Загадки японцев, которые кажутся очевидными, но на самом деле не так просты]. Киото: PHP Kenkyuujo, 2012. 297 с.
18. Li D. The Concept of “Oku” in Japanese and Chinese Traditional Paintings, Gardens and Architecture: A Comparative Study. URL: <https://www.hues.kyushu-u.ac.jp/education/student/pdf/2009/2HE08084E.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
19. Быкова С.А. Японско-русский фразеологический словарь. 2-е изд. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 439 с.

References

1. Alefirenko N.F. O sootnoshenii formoobrazovatel'nykh i derivatsionnykh svyazey frazeologicheskikh edinit [Correlation Between Inflectional and Derivational Relationships of Phraseological Units]. *Problema tozhdestva frazeologicheskikh edinit* [The Problem of Identity of Phraseological Units]. Chelyabinsk, 1990, pp. 11–20.
2. Tanno A. (ed.). *Imi kara Hikeru Kan'youku Jiten* [Phraseology Thesaurus]. Tokyo, 1998. 333 p.
3. Yonekawa A., Outani I. (eds.). *Nihongo Kan'youku Jiten* [Japanese Phraseological Dictionary]. Tokyo, 2005. 605 p.
4. *Koji Kotowaza Jiten* [Dictionary of Proverbs and Classical Idioms]. Available at: <https://kotowaza-dictionary.jp/> (accessed: 5 May 2022).
5. Ishida P. *Gengogaku kara mita nihongo to eigo no kan'youku* [English and Japanese Idioms from a Linguistic Standpoint]. Tokyo, 2015. 215 p.
6. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English. Munat J., Fedulenkova T. (eds.). *Lexical Creativity as a Feature of Textuality. ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15*. Zaragoza, 2004, pp. 1–5.
7. Ermakova E.N. Otfrazeologicheskoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke: prichiny, usloviya, mekhanizm [Word Formation Derived from Phraseological Units in the Contemporary Russian Language: Reasons, Conditions, and Mechanisms]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 206–214.
8. Kunin A.V. Nekotorye voprosy angliyskoy frazeologii [Some Issues of English Phraseology]. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, 1955, pp. 1451–1455.
9. Kunin A.V. *English-Russian Phraseological Dictionary*. Moscow, 2005. 942 p.
10. Ishida P. Phraseological Frozenness and Phraseological Variants. *Tsukuba J. Appl. Ling.*, 1998, no. 5, pp. 43–56 (in Jpn.).
11. Arkhangel'skiy V.L. *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke: osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Set Phrases in Modern Russian: Fundamentals of the Theory of Set Phrases and the Problems of General Phraseology: Diss.]. Rostov-on-Don, 1964. 315 p.
12. Kunin A.V. *Osnovnye ponyatiya angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarya* [Key Notions of Phraseology as a Branch of Linguistics and the Creation of an English-Russian Phraseological Dictionary: Diss.]. Moscow, 1964. 1229 p.

13. Juhasz B.J., Inhoff A.W., Rayner K. The Role of Interword Spaces in the Processing of English Compound Words. *Lang. Cogn. Process.*, 2005, vol. 20, no. 1-2, pp. 291–316. DOI: [10.1080/01690960444000133](https://doi.org/10.1080/01690960444000133)
14. Lieber R., Štekauer P. (eds.). *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford, 2009. 691 p.
15. Pashkovskiy A.A. *Slovo v yaponskom yazyke* [The Word in the Japanese Language]. Moscow, 2006. 208 p.
16. Ebara T. *Ebara Taizou chosakushuu* [A Collection of Taizo Ebara's Works]. Vol. 16. Tokyo, 1979. 533 p.
17. Oomori A. *Shitteiru you de shiranai nihonjin no nazo* [Riddles of the Japanese That Only Seem Easy]. Kyoto, 2012. 297 p.
18. Li D. *The Concept of "Oku" in Japanese and Chinese Traditional Paintings, Gardens and Architecture: A Comparative Study*. Available at: <https://www.hues.kyushu-u.ac.jp/education/student/pdf/2009/2HE08084E.pdf> (accessed: 6 April 2022).
19. Bykova S.A. *Yaponsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Japanese-Russian Dictionary of Phraseology]. Moscow, 2007. 439 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V223

Tat'yana A. Basova

Vladimir State University;

ul. Gor'kogo 87, korp. 1, Vladimir, 600000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9511-6131> e-mail: tanyatako@gmail.com

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND JAPANESE COMPOUNDS WITH A SOMATIC COMPONENT DERIVED FROM PHRASEOLOGICAL UNITS

The article focuses on cross-level products of phraseological derivation – English and Japanese compound words with a somatic component – and analyses their structure. The issue of word boundaries in both languages is raised as there are various ways to set boundaries between phraseological units and their lexical derivatives depending on the understanding of the issue, especially regarding *N + N* and *Adj + N* units in English and *N + no + N* units in Japanese. The problem of the so-called open compounds in English is investigated, and two types of units that bear relation to this category are identified: 1) units, originally idioms, that have lost almost all signs of structural separateness, 2) units that were derived from idioms and allow three spellings (separate, hyphenated and closed), but have no phraseological past of their own. In Japanese, via analysing *kinodoku* ('unfortunate') and *oku no te* ('trump card') the signs of possessive compound lexicalization are explained. The main word-forming, morphological and phonetic features of such lexemes in both languages are found, i.e. common word-forming models: compounding, compounding in combination with affixation, and lexicalization of full phrases including function words. Moreover, Japanese derivatives manifest some unique characteristics: phonetic changes according to *rendaku*, compression of idiom-based compounds with a second noun component which limits their length to 4 moras, and the existence of lexemes derived from communicative phraseological units, namely, proverbs.

Keywords: *phraseology, idiom-based lexemes, compounds, cross-level derivation, structural analysis.*

Поступила 21.06.2022
Принята 17.11.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 21 June 2022
Accepted 17 November 2022
Published 16 December 2022

For citation: Basova T.A. A Comparative Analysis of English and Japanese Compounds with a Somatic Component Derived from Phraseological Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V223